

выстраивается здесь из места речи субъекта, т.е. как принципиальная *редукция к дискурсивности*, которая может обходиться без слов, сохраняясь в некоторых базовых отношениях, но всегда поддерживается словами.

Вначале Лакан охарактеризовал главный механизм возникновения и воспроизводства культуры со всеми ее формами как воображаемую идентификацию с образом «Другого». Затем как механизм сложного взаимодействия идентификации и интерпретации образа и слова (означающего – «Аксиома» Фреге).

В конечном итоге, Лаканом был сделан вывод о том, что за образом и словом проступает такое Реальное, которое не подлежит ни опосредованию через образ, ни символизации через слово, но является *негативным источником формализации всех форм культуры*, как знаково-семиотических образований. Смысл не предпослан этому процессу формализации и не является его конечной целью. Сам бесконечный (в рамках человеческой реальности) *процесс формализации и есть смысл. Процесс формализации Реального, как истины и смысла, есть общее и позитивное содержание культуры.*

Лакановская концепция углубляет и расширяет представление о компенсаторном начале всякой культуры, изнанкой которой является *бессознательное как гарант смысла и значения*. На уровне бессознательного истина и смысл устанавливаются как в высшей степени условные и формальные, устойчивость и значимость которых для конкретного индивида и конкретной культуры поддерживается (но не определяется) *комбинаторикой означающих*. Иными словами, смысл не является причиной психических феноменов, но, в соответствии с гегелевской стратегией Лакана, только через смыслы, или означающие, мы вообще можем понять, что такое *реальная причина в психической жизни*, что-то по ту сторону любого означающего.

Жак Лакан выдвинул множество теорий и гипотез, не все они оказались верны, многое уже интегрировано в гуманитарные науки, а многое еще остается не изученным и не понятым. Работа с лакановскими идеями, безусловно, плодотворна, не может быть исчерпана уровнем современных исследований и должна продолжаться.

ПРЕДПОСЫЛОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Смоляга М. В., Старикова Г. Г.

*Национальный технический университет «ХПИ», г. Харьков
Харьковский национальный университет радиоэлектроники, г. Харьков*

Проблема предпосылок познания – одна из традиционных в философии. Однако драматические события последних десятилетий в методологии, истории и философии науки сделали эту проблему одной из наиболее актуальных. Драматизирующими факторами стали по существу обретшие

новое дыхание системный, деятельностный и исторический принципы, взятые в единстве и взаимодействии, а также принцип социальной детерминации научного познания.

Сложность выявления и исследования феномена предпосылочности, а также плюрализм в трактовке его конкретных форм объясняются рядом факторов. Во-первых, этот элемент структуры научного знания не улавливается, если анализ знания осуществляется на уровне отдельных предложений или даже функциональных групп (таких, как метод, факт, гипотеза, теория и др.). Рассмотрение знания на уровне предложения, т.е. собственно логический подход, позволяя исследовать структуру теории, непротиворечивость ее исходных положений и т.п., оказывается недостаточным для того, чтобы обнаружить внелогические (недедуктивные) способы получения знаний, функционально-содержательные различия предложений (конститутивных, регулятивных, мировоззренческих). Заданные в такой форме «ячейки» сети-анализа заведомо пропускают все то, что не относится к основным единицам знания.

Во-вторых, предпосылочное знание как непроблематичное или очевидное или как не имеющее отношения к специально-научному знанию чаще всего явно не формулируется и существует в имплицитной форме.

Каковы же способы введения и формы существования неявных предпосылок в научном знании? Можно полагать, что существуют специальные «формы бытия» и вхождения имплицитных элементов в объективированное знание. Однако анализ с этой точки зрения собственно логических, а также гносеологических методов и приемов, общенаучных и специальных научных методов приводит к несколько иному выводу: любой способ рассуждения, познания, оперирования со знанием (от интуитивно-содержательного до формализованного, логически строгого) – это еще и способ введения (или бытия) неявного знания. Поэтому проблема должна быть переформулирована следующим образом: как именно формы неявного знания и способы его введения зависят от этапов, методов и форм научно-познавательной деятельности?

Большими возможностями введения неявных предпосылок в научное знание обладают индуктивные методы (индукция, аналогия, экстраполяция). В этих методах следование носит вероятностный характер, предположение о его правомерности, правдоподобию основано на неполной информации и, главное, зависит от различного рода неявных предпосылок, в том числе мировоззренческого характера. Эти моменты существенно усиливаются во «внелогических» познавательных процедурах сравнения, выбора, предпочтения гипотез, методов, оценки и решения проблем, способов доказательства, обоснования и т.п. В каждой из них представлены интуитивные, неэксплицированные, невербализованные и не всегда осознаваемые элементы – как интеллектуальный и ценностный фон субъекта научной деятельности.

Наряду с указанными способами можно выявить наиболее распространенную процедуру, способ введения неявных элементов (в том числе и предпосылок) в научное знание – это перевод явного, актуально выраженного знания в неявное, в подтекст, т.е. использование приема умолчания о знании само собою разумеющемся, очевидном.

Очевидность – это характеристика не познавательного образа, знания, а принятия его достоверности или истинности субъектом. Истинность знания очевидна для субъекта в том случае, если ее обоснование, доказательство не требуют экспериментальных операций и специальных логических рассуждений, оно «ухватывается» субъектом непосредственно чувствами или умозрением или, наконец, потому, что это знание многократно подтверждено и проверено прежде.

Только при условии, что функционируют четко налаженные формальные и неформальные коммуникации и знание очевидно как для автора, так и для некоторого научного сообщества, оно может принимать имплицитные формы, не утрачивая своих функций предпосылок и оснований, реализуя их неявным образом. Социальная (коммуникативная) опосредованность научной деятельности, явная или неявная диалогичность научных текстов, их ценностная «нагруженность» и контекстуальная многоплановость закономерно ставят вопрос о динамике перевода господствующих в культуре и собственно в знании стереотипов, общепринятых истин на положение неявного, невербализуемого в данном тексте знания. Задача их актуализации и экспликации вновь встанет в повестку дня при пересмотре оснований, вызванном сменой парадигм, стиля мышления и научной революцией в целом.

Следующий этап – философско-методологические и мировоззренческие предпосылки своей области принимаются вообще без доказательств, как бесспорные, т.е. оформляется неререфлектируемый слой знания, обосновывающий специально-научное содержание, причем преимущественно в имплицитной форме. В то же время все функции обоснования и экспликации предпосылок передаются учебникам; типичными становятся тексты статей для коллег-профессионалов, предпосылочное знание в которых не формулируется, явно не присутствует и может быть выявлено лишь в ходе специальной реконструкции всего контекста.

Таким образом, выясняется весьма существенный момент: гносеологический статус философских оснований и предпосылок, в частности, их непроблематичность, неререфлектируемость или, наоборот, эксплицитная форма присутствия в знании находятся в прямой зависимости от коммуникаций и соответственно профессионального консенсуса, проявляющего свои методологические функции. Процесс перевода очевидного знания в подтекст и повторная его экспликация носят регулярный и всеобщий характер. При этом осуществляется оптимизация знания и уплотнение информации в конкретном научном тексте, в ходе научных коммуникаций.